

Конец ночного рынка был заставлен всякой всячиной. Цю Чэн сегодня привез с собой съестное, поэтому он медленно покати́л трехколесный велосипед сквозь толпу: если он не ошибался, у поворота в сторону центра города должно быть больше лотков с едой.

Эй, Цю Чэн! — услышал он, как кто-то зовет его, когда уже почти протиснулся к самому центру трехстороннего перекрестка. Это был Старый Ху, торговец детской обувью.

Ты чего так рано? — остановив велосипед, Цю Чэн повернулся и поприветствовал Старого Ху.

Какое там рано? Это ты слишком поздно. Все выходят на рынок в шесть, а сейчас уже почти час прошел, — ответил Старый Ху.

Завтра вечером я выйду пораньше, — улыбнулся Цю Чэн.

А это еще кто? — глядя на А Чана, спросил Старый Ху.

Мой двоюродный брат, — ответил Цю Чэн.

Что с ним? — снова поинтересовался Старый Ху. Стоило А Чану ступить на ночной рынок, как он сильно напрягся: обеими руками вцепился в куртку Цю Чэня, крепко сжал губы, а его глаза нервно блуждали — с первого взгляда было очевидно, что он не в себе.

Несколько лет назад в семье кое-что случилось, он немного испугался, — на ходу соврал Цю Чэн. Он протянул руку и похлопал А Чана по тыльной стороне ладони, надеясь, что тот немного расслабится.

Эх, жаль парня, — вздохнул Старый Ху, а затем указал Цю Чэню на дорогу, ведущую к центру города. — Еда вся там, ступайте туда.

Ладно, я поехал, — Цю Чэн махнул ему рукой, крутанул педали трехколесного велосипеда и отправился искать место для торговли.

Никому сейчас легко не приходится, — провожая взглядом удаляющегося Цю Чэня, не удержался от взгляда полный сочувствия Старый Ху. Какое там немного испугался — да он же напрочь испугался до дурости! При этой мысли капелька зависти, затаившаяся в его сердце к Цю Чэню, мгновенно испарилась на восемь-девять десятых.

На дороге, ведущей к центру города, и правда оказалось немало лотков с едой: помимо самых привычных кукурузной муки, кукурузных лепешек и диких овощей, на ночном рынке можно было встретить сушеную рыбу, морскую капусту и нори — приметы прибрежных регионов, а кое-где даже попадались редкие консервы, очевидно привезенные из других городов.

В настоящее время основными каналами грузоперевозок между их Городом Синьнань и остальными населенными пунктами оставались автомобили и самолеты. На протяжении последних пяти лет временная база полагалась исключительно на отправляемые государством самолеты, доставлявшие из других мест пищевую соль и семена, благодаря чему им и удавалось кое-как держаться на плаву.

До расформирования временной базы местные власти и армия уже приступили к расчистке дорог. На данный момент шоссе между Городом Синьнань и административным центром провинции уже открыли для движения транспорта, однако из-за повсеместного дефицита топлива и того, что их регион относился к сравнительно отсталой центральной части страны, машин на этой дороге ездило крайне мало.

Они прибыли слишком поздно, и лучшие места уже в основном заняли. К тому же А Чан выглядел чересчур напряженным, и Цю Чэн не хотел протискиваться в самые многолюдные участки, поэтому они развернули лоток прямо перед одним из магазинов на обочине улицы. По сравнению с серединой проезжей части здесь было тише и безлюднее, освещение оставляло желать лучшего, а торговых точек снаружи насчитывалось совсем мало — лишь редкие островки лотков.

Опущенные металлические жалюзи за спиной давали А Чану чувство безопасности. Он не любил, когда со всех сторон толпились люди, а особенно — когда кто-то находился у него за спиной. Присев у входа в этот магазин и наострив уши на окружающие звуки, он смотрел на снующих неподалеку людей, и его натянутые как струна нервы наконец-то немного отпустили.

Справа от их торгового места располагался лоток по обмену кукурузной муки и лепешек. Хозяевами, судя по всему, были отец с сыном: старшему исполнилось около пятидесяти, а парню едва перевалило за двадцать.

Слева тоже виднелся еще один лоток, подальше от них — там продавали печи. Множество печей разного размера вытянулось длинным рядом, а сам торговец сжался на лежавшей рядом старой ватной подстилке. Из-за слабого освещения Цю Чэн не смог разглядеть ни его возраста, ни внешности, лишь подумав, что раз у этого человека так много тяжелых печей, таскать их туда-сюда каждый накладно, так что днем ему, скорее всего, приходится караулить их прямо здесь.

Ого, какие отменные помидоры, где раздобыл? — стоило Цю Чэню с А Чаном только обустроить свой лоток, как к ним подошел мужчина средних лет с соседней точки.

Знакомые помогли достать, — не захотел вдаваться в подробности Цю Чэн.

Эх, сейчас у нас в городе если что и меняют, так всё на кукурузные лепешки, но долго они не хранятся, сам понимаешь? Если захочешь потом обменять их на кукурузную муку, заглядывай ко мне, — снова заговорил тот.

В нынешнем Городе Синьнань электричество, воду и газ провели совсем недавно. Хотя во всем

городе в основном наладили подачу света, энергетические ресурсы все же оставались ограниченными: каждому жителю полагалось ровно по пять киловатт-часов в месяц. Этого количества явно не хватало на готовку, и большинство горожан до сих пор не имели условий для того, чтобы зажигать очаг дома, поэтому различные организации и учреждения по-прежнему выдавали сотрудникам сразу кукурузные лепешки.

Из-за продовольственной проблемы и общего недоверия к деньгам люди теперь признавали в расчетах исключительно продовольствие, а также золото, серебро, медь, железо и прочие металлы. Самым ходовым товаром среди них были как раз кукурузные лепешки, но их хранение представляло собой огромную головную боль — особенно для тех дельцов, у которых имелся хоть какой-то небольшой доход.

Как меняешь? — спросил его Цю Чэн.

Фунт кукурузных лепешек на полфунта кукурузной муки, — назвал цену собеседник.

Не маловато ли? — Цю Чэн нахмурился. Выдаваемые в городе лепешки хоть и мельчали со временем, но всегда были на редкость сухими.

Спроси у кого угодно, сейчас во всем городе такие цены. Впрочем, если объем большой, могу посчитать по пять с половиной лянов, — мужчина принял честный и неподкупный вид.

Я еще посмотрю, — Цю Чэн пока не собирался ничего менять.

Это твой родственник? — он кивнул в сторону А Чана.

Мой двоюродный брат.

Хех, парень и впрямь хорош собой. Видишь вон того? Мой сын, слышал, в июне этого года восстановят гаокао, вот сидит аудирование тренирует.

Цю Чэн взглянул на соседний прилавок и действительно заметил молодого человека с радиоприемником в руках; оттуда даже доносились обрывки английских слов.

Торговля на ночном рынке и правда шла куда бойчее, чем поутру. Даже несмотря на то, что лоток Цю Чэня стоял несколько в стороне, к нему все равно то и дело подходили люди — свежие помидоры и живые полевки пользовались большим спросом, а зеленый лук и перец после недолгих торгов уходили в качестве приваска к основной покупке.

А Чан постепенно забыл о былом напряжении и теперь вовсю предавался празднеству азарта. Он даже незаметно пробрался к соседнему ряду с печками и, прячась за высокими и низкими железными корпусами, вовсю вытягивал шею, с любопытством разглядывая ближайшие лотки.

Это ведь и вправду мясо полевки? — незадолго до сворачивания торговли к прилавку Цю Чэня подошла женщина-покупатель. Она еще никогда не потрошила полевок самостоятельно, поэтому, хотя вяленое мясо грызунов ее и привлекало, сомнения все еще оставались.

Мясо полевки.

А почему это обработанное стоит столько же, сколько живые?

Потому что если я разделаю их заранее, мне не придется держать их дома и тратиться на корм.

Точно не крысы из сточной канавы?

Ни в коем случае!

Ой! Взломали? Ой, неужели и вправду взломали?! — в этот момент на соседнем лотке внезапно поднялся шум. Вокруг хозяина точки столпилась толпа, наперебой выкрикивая что-то про взлом.

Что там случилось? — покупательница, собиравшаяся взять вяленого мяса, не удержалась и тоже направилась туда посмотреть.

Цю Чэн был слишком увлечен разговором с клиенткой и даже не заметил происходящего. А Чан тихонько вернулся от торговца печами и с тревожным видом встал за спиной Цю Чэня.

Эти сумасшедшие и вправду взорвали селекционную компанию? Разве не говорили, что улик нет? — молодая женщина вцепилась в рукав сына владельца лотка, допытываясь до подробностей. — Насколько всё серьезно? Нас это тоже заденет?

Я, я тоже толком не знаю, — судя по всему, сын лавочника отличался застенчивым характером. От того, что его так теребила незнакомка примерно его же лет, он путался в словах. — Точно, ее действительно взорвали, селекционные компании сразу в нескольких странах взлетели на воздух, говорят, следы террористической активности.

С чего вдруг приплели террористов? — люди вокруг были потрясены до глубины души. Бедствие вроде бы только отступило, почему же вновь нашлись те, кто сеет смуту?

Говорят, сыграли на чувствах семей погибших. В последнее время опять активизировались всякие секты, завербовавшие немало последователей, — вздохнув, произнес интеллигентный молодой человек в очках. У него был неплохой английский, и он только что тоже послушал радио, подтвердив слухи. В последнее время по городу ходило столько сплетен, что он обычно не верил слепо на слово.

А как же наша страна? Нас это коснется? — тут же заволновалась стоявшая рядом женщина.

Даже если отечественные семена уже доставлены, последствия неизбежны. Хотя за последние годы объемы импорта продовольствия в нашу страну резко сократились, поставки все же не прекращались полностью.

Стоило этому импорту прекратиться, как весь внутренний продовольственный рынок страны жгло сильнейшим напряжением.

Если бы не тот факт, что за последние пять лет степень зависимости от импортного зерна по всей стране существенно снизилась, они бы, пожалуй, вовсе не справились с этим испытанием.

Слушайте, а в нашем городе все еще отправляют людей в деревню?

Неужели в городе и дальше жить станет невыносимо?

Неужели в конце концов даже правительство перестанет выдавать продовольствие?

Придется запастись зерном впрок!

Прошло всего ничего, а новость уже облетела весь ночной рынок. Паника распространялась среди людей словно вирус, и оживленный ночной рынок в одно мгновение словно лишился самой жизни, погрузившись в удушливую тишину.

Хорошая хозяйка должна есть мало.

Не прошло и двух дней после этих событий, как в Городе Синьнань сформировали очередную партию людей для отправки в деревню. На ночном рынке Цю Чэн услышал, что на этот раз в списки вошли сотрудники административных органов и бюджетных учреждений — так городским властям удавалось избежать дополнительных расходов на продовольствие.

С приходом продовольственного кризиса всё, кроме еды, на ночном рынке мгновенно обесценилось. А Чан, каждую ночь сопровождавший Цю Чэня, с разочарованием обнаружил, что его собственные сокровища пользуются куда меньшей популярностью, чем полевки, и на душе у него скребли кошки.

Старый Кот был прав, полевки — и впрямь отличная вещь. Какой же глупец он был раньше! Если бы тогда он мог наловить побольше полевок, завести для них отдельную комнату и забить ее грызунами до самого отказа... Цю Чэн наверняка был бы невероятно рад, правда?

А Чан присел на корточки у выхода на террасу и тяжело вздохнул. Цю Чэн совершенно не понимал, из-за чего тот ломает голову: парень вроде бы собирался идти собирать помидоры, но

просидел там битый час и так и не появился.

Самого Цю Чэня последние дни полностью занимали хлопоты: он то заготавливал древесину, то сбивал деревянные ящики. Огромная гора одежды, рассортированная в прошлый раз, тоже не представляла ценности, поэтому он отобрал вещи поношенные да покрепче, распорол их и принялся сшивать лоскуты, чтобы смастерить внутреннюю обивку для свежесколоченных ящиков. Благодаря такой подкладке земля при засыпке не просыпалась сквозь щели, а поскольку ткань одежды обладала прекрасной воздухопроницаемостью, это самым благоприятным образом сказывалось на росте растений.

А Чан, вдень нитку, — сидя на диване и продолжая шить, бросил Цю Чэн на террасу, заметив, что на журнальном столике не осталось ни одной готовой иголки.

Мм, — А Чан с досадой поскреб в затылке, поднялся с террасы, прошел мимо нескольких полутораметровых кустов томатов обратно в гостиную и присел рядом с Цю Чэнем. Взяв моток ниток и ножницы, он сгреб со столика пригоршню использованных тонких иголок и принялся вдевать нить за нитью.

Вытянув шею и поднеся швейную иглу прямо к глазам, он нахмурился, в упор уставившись на ушко. Одной рукой зажав кончик нитки, он медленно-медленно проводил его сквозь крошечное отверстие, и уголки его губ сами собой расплывались в счастливой улыбке.

Вдев очередную иглу, он с сияющим видом посмотрел на Цю Чэня. Но тот был полностью поглощен борьбой с парой джинсов и даже не взглянул в его сторону, из-за чего А Чан разочарованно опустил уголки губ и молча принялся за следующую иголку...

Динь-дон... Динь-дон, динь, дон...

Кто там? — раздался звонок в дверь. Цю Чэн подумал, что это, должно быть, Шэнь Син — кроме нее, сюда никто больше не заходил.

Прошлой вечером Шэнь Син заглядывала снова и пообещала, что если он возьмет сразу сто цзиней той колотой яшмы, она отдаст ее всего за восемьдесят кукурузных лепешек. Поразмыслив, Цю Чэн сбил цену до семидесяти пяти, на том и порешили.

Здравствуйте, мы живем этажом выше, — раздался за дверью женский голос, но это была не Шэнь Син.

В чем дело? — глянув в глазок, Цю Чэн увидел на пороге мужчину и женщину средних лет.

Мы тут слышали, вы квартиру наверху купить собираетесь? Это вы? — спросила женщина.

С чего вы взяли? — открывая дверь, Цю Чэн прикрыл ее за собой и вышел прямо на

лестничную площадку, чтобы поговорить с ними.

Появление этой пары на пороге выглядело крайне странно. Хотя он и поручил Шэнь Син заняться покупкой недвижимости, та была девушкой прожженной и вряд ли стала бы раскрывать имя покупателя до завершения сделки — иначе какой ей был смысл вести дела?

Цю Чэн от природы не умел торговаться и не располагал лишним временем и силами. Потратить он свободные часы на пустые разговоры, куда полезнее было бы углубиться в изучение «Записок о культивации древесины».

Ой, так квартира прямо над вами принадлежит моей невестке, — пояснила женщина.

Это она вам рассказала? — Об обитателях верхнего этажа Цю Чэн кое-что слышал от Шэнь Син: те отличались редкостной практичностью и хваткой. Сейчас шел самый разгар торгов, и они явно не походили на людей, способных вставлять палки в колеса собственному бизнесу, да и покупателя они знать не должны были.

Нет, вчера младшая золовка обмолвилась, мы с отцом семейства подумали — раз дел всё равно нет, почему бы не зайти и не разузнать всё самим? Сказали ведь, что на четырнадцатом и пятнадцатом этажах живете только вы один, вот мы и решили заглянуть.

Соседи снизу выложили им немало интересного: сперва тот человек неохотно намекнул на кое-какие детали, но стоило им протянуть кукурузную лепешку, как собеседник выложил всё как на духу.

...Вы говорите, кто-то хочет купить квартиру на пятнадцатом этаже? Да кроме него, больше никому! Каждую ночь куда-то уходит и возвращается за полночь. Пару дней назад я видела, как он невесту откуда притащил горы одежды и возил ее тележками к реке стирать. И это только то, что на виду, а кто знает, что у него дома припасено?

А на днях привел к себе какого-то парня — длинные волосы, высокий, крепкий, с виду жутковато выглядит. Я в тот раз засмотрелась на них пару лишних секунд, так знаете, как он на меня обернулся? Жуть просто, чуть со страху не померла...

В какой вы квартире на верхних этажах живете? — Цю Чэн понятия не имел, скольких «лестных» эпитетов удостоился от соседей снизу.

1501, 1502, 1503, 1504 — это всё наше! — радостно отрапортовала женщина. Похоже, на этот раз они и вправду обратились по адресу.

За сколько продаете? — квартиры с 1501 по 1504 располагались в отличных местах, окнами на юг, где вполне можно было разбить Массив Сбора Духов и вырастить урожай.

Женщина бросила взгляд на мужа, и тот незамедлительно выпалил:

— Фунт кукурузной муки за квадратный метр.

Мне это не по карману, — покачал головой Цю Чэн, достал из кармана ключ и собрался отпереть дверь. Позже он мог переговорить об этом с Шэнь Син и поручить ей вести переговоры с этой парочкой.

Эй, так сколько ты сам предлагаешь? — поспешно окликнула его женщина.

Сколько вы в свое время заплатили за эти квартиры? — спросил Цю Чэн.

Больше миллиона трехсот тысяч, какая тебе разница? — возмутился мужчина.

Тогда я дам вам чуть больше ста тридцати фунтов кукурузной муки. Точное количество будет зависеть от вашего изначального договора купли-продажи, — Цю Чэн назвал исключительно честную цену. Сто с лишним фунтов кукурузной муки при экономном потреблении вполне хватило бы им, чтобы пережить самые тяжелые два-три месяца.

Фунт муки за десять тысяч? — на лице женщины проступило выражение обиды, смешанной с душевной болью и безысходностью.

Так нельзя считать, — нахмурился Цю Чэн. — Даже если бы бумажные деньги еще чего-то стоили, цены на жилье давно уже не те. Сколько народу полегло, сколько пустующих квартир стоит по всей стране — они ничего не стоят. К тому же вы и сами знаете нынешнюю обстановку: в центре города недвижимость не продается, не говоря уже об этой глуши. Я предложил более чем честную цену — подумайте хорошенько. Пытаться содрать больше бессмысленно.

Всё это лежало на поверхности, однако женщина словно оглохла, продолжая считать выгоду исключительно со своей колокольни. Если бы каждый рассуждал так же, как она, разве можно было бы выжить в такие времена?

Слыхали, в июне этого года восстановят гаокао? К тому времени этот район оживет, — попытался выторговать побольше муки мужчина.

Как уже заметил Цю Чэн, в последнее время весь Город Синьнань охвачена паникой, и те, у кого в руках оставалось хоть немного зерна, вцеплялись в него мертвой хваткой, наотрез отказываясь расставаться с запасами. Недвижимость их семьи в центре города тоже не находила покупателей, а те редкие предложения, что поступали, поражали своей абсурдно низкой ценой. По сравнению с ними предложенная Цю Чэнем ставка и впрямь выглядела вполне разумно.

Даже если экзамены восстановят, много ли сейчас по всей стране наберется абитуриентов? —

к тому же их Синьнаньский университет входил далеко не в самые престижные высшие учебные заведения страны, занимая от силы второстепенные позиции.

Ты берешь все четыре квартиры? Когда оформляем сделку? — скрипнув зубами, мужчина принял решение.

Прямо сейчас у меня нет на руках такого количества кукурузной муки. Давайте сначала оформим одну квартиру и подпишем договор, обязывающий нас завершить сделки по остальным трем в течение месяца.

Начнем с квартиры 1501, — снова подала голос женщина. Как ни болело сердце, а вопрос выживания стоял слишком остро, и как бы ни сопротивлялось ее нутро, оставалось лишь смириться. Квартира 1501 имела самую большую площадь и располагалась лучше всего, и денег за нее в свое время отдали больше всего. Полученное зерно гарантировало, что в ближайший месяц никто в их семье не умрет с голоду.

Хорошо. Как насчет того, чтобы выдать двадцать фунтов кукурузных лепешек в счет двенадцати фунтов кукурузной муки? — на ночном рынке курс обмена лепешек на муку стабильно держался на отметке 1 к 5,5, так что Цю Чэн стремился сэкономить каждую мелочь.

Двадцать фунтов — это слишком много, испортится, если не съедим. Давай десять, — замахала руками женщина. На рынке хватало желающих заработать на разнице курсов при обмене муки на лепешки, и сами они за шесть фунтов муки никак не смогли бы выручить десять фунтов лепешек — максимум шесть с половиной.

Тогда когда проводим сделку? — не стал возражать Цю Чэн.

Завтра в десять утра, бери всё необходимое и приходи в регистрационную палату, — ответил мужчина.

Кстати, у ваших квартир нет никаких обременений или ипотеки? — внезапно вспомнив о важном нюансе, уточнил Цю Чэн.

Можешь не сомневаться, на месте всё проверишь.

Вернувшись в квартиру, Цю Чэн не удержался и снова вышел на террасу посмотреть на кукурузу. Початки хоть и налились, но оставались еще довольно молодыми. Выбрав один из стеблей, Цю Чэн сорвал с него два початка, выдернул саму стеблевую основу, вооружившись лопаткой, слегка взрыхлил землю, подмешал заготовленный козий навоз и закопал в лунку маленький картофельный клубень, после чего обильно полил его водой.